

Евгений

ПРИМАКОВ

НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Примаков. Избранное

Евгений Примаков
На пороге перемен

«Издательство АСТ»

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)64

Примаков Е. М.

На пороге перемен / Е. М. Примаков — «Издательство АСТ»,
— (Примаков. Избранное)

ISBN 978-5-17-133970-8

В настоящую книгу вошли два произведения известного политика и государственного деятеля Евгения Максимовича Примакова «Восемь месяцев плюс...» и «Мысли вслух». Е.М. Примаков находился на посту Председателя Правительства Российской Федерации ровно восемь месяцев. События, произошедшие накануне его вступления в должность, а также сопутствующие политической активности автора с 1998 по 2001 годы, стали главным сюжетом повествования первого произведения. В нем хорошо рассказано о бурном времени в истории российской государственности, непосредственным участником и свидетелем которого он был. «Мысли вслух» – это попытка осмыслить то, что пережила Россия в XX веке, и проанализировать, как она может «вписаться в реалии XXI столетия». Е.М. Примаков размышляет над важнейшими вопросами российской истории: была ли случайной революция 1917 года, почему распался СССР, есть ли будущее у СНГ, в чем причина сложной ситуации на Северном Кавказе... Оценки и выводы, сделанные автором, помогают читателю задуматься над прошлым, настоящим и будущим России.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)64

ISBN 978-5-17-133970-8

© Примаков Е. М.
© Издательство АСТ

Содержание

Восемь месяцев плюс...	7
Предисловие	7
1. Как это произошло	8
Решение, принятое в коридоре	8
Формирование кабинета: долгожданная свобода рук	12
«Разведчики» против журналистов?	17
2. Что досталось в наследство	19
Россия под псевдолибералами	19
Результаты 17 августа	22
3. Дела насущные	25
Стратегия и тактика	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Максимович Примаков

На пороге перемен

© Е.М. Примаков (наследники), 2021

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Восемь месяцев плюс...

Предисловие

Эта книга написана после того, как перестал быть председателем правительства. В отличие от прежней – «Годы в большой политике» – у нее не было никаких «заготовок», отдельных, уже написанных, но еще не опубликованных частей. Использовал свои записи. Есть в ней и некоторые ретроспективные оценки. Но их немного. В основном события описываются так, как я их видел, осознавал, как говорится, «в реальном времени».

Пусть читатель рассудит, кто был прав, а кто нет в сложных перипетиях, через которые проходила Россия на пороге XXI столетия.

Думаю, что актуальность целого ряда проблем, поднятых в книге, не притупилась. Буду рад, если она окажется полезной тем, кто возглавляет страну сегодня, да и тем, кто печется о ее благополучии.

Хочу поблагодарить жену, друзей, коллег – первых, кто знакомился с отдельными главами книги, – за их замечания, учтенные мною. Спасибо большое Маше Тихоновой – отличной стенографистке, много часов проведенной и за компьютером, когда я многократно пытался улучшить написанное.

Получилось ли – об этом судить читателю.

1. Как это произошло

Решение, принятое в коридоре

Итак, я – Председатель Правительства Российской Федерации. Позади остались многочисленные отказы от настойчивых предложений занять этот пост, слезы моей жены, которая была категорически против. Но теперь прочь колебания. Согласился – значит, не нужно ныть ностальгически по оставленному кабинету в высотном здании на Смоленской площади. Нужно переключать мозги на новую работу.

И все же, почему в конце концов согласился с тем, что еще за несколько дней до этого, да что за несколько дней – за сутки, казалось совершенно неприемлемым?

Ельцин трижды в течение двух дней настойчиво предлагал мне возглавить кабинет. Последний разговор с президентом на эту тему произошел в его кабинете 12 сентября 1998 года в присутствии В.С. Черномырдина и Ю.Д. Маслюкова. За несколько дней до этого Черномырдин, неожиданно смещенный со своего поста в марте и еще не успевший пережить свою отставку, был реанимирован и вновь назван премьером вместо С.В. Кириенко, не успевшего проработать в Белом доме и 6 месяцев. Государственная дума, которая, опасаясь отпуска, пропустила с третьего захода кандидатуру Кириенко, на этот раз «встала на дыбы».

К моменту нашей встречи в Кремле 12 сентября Дума уже дважды отклонила упорно предлагаемую президентом кандидатуру Черномырдина. Не было сомнений, что подобный исход голосования будет и при третьей попытке. Между тем Виктор Степанович решил не отступать, особенно с учетом того, что Ельцин назвал в разговоре с ним мартовское решение о его отставке «своей ошибкой». И тем более что инициатива возвращения Черномырдина исходила отнюдь не от него самого. Уговаривать Думу в сложившейся ситуации было бессмысленно. Не помогло и мое согласие пойти заместителем Черномырдина, оставаясь министром иностранных дел. Довели это до руководителей фракций, блокирующих прохождение кандидатуры Черномырдина, но они не согласились.

Расстроено-озабоченный Ельцин спонтанно обратился в нашем присутствии с предложением занять пост премьер-министра к Ю.Д. Маслюкову – тот тоже отказался. Образовался тупик. Ельцин, вновь призвавший Черномырдина даже ценой признания своей ошибки, не был склонен сдавать свои позиции. Это не в его характере. Но и особого маневра не было, так как третий отказ Госдумы автоматически вел к ее отпуску. Тут Черномырдин сказал: «Я готов не идти в Думу третий раз только в том случае, если будет предложена кандидатура Примакова». Маслюков добавил, что он будет готов пойти заместителем председателя в мой кабинет.

Позиция, занятая и Черномырдиным, и Маслюковым, во многом не была для меня неожиданной. Нас с Черномырдиным связывали долгие рабочие отношения. Я входил в возглавляемый им кабинет и был одним из тех, с мнением которых он считался. Велись с ним откровенные разговоры по различным вопросам не только внешней, но и внутренней политики. Подкрепляли наши отношения и мои выступления в Совете безопасности о том, что реальную угрозу для страны представляют попытки внести разлад между президентом и председателем правительства. А такие попытки со стороны ближайшего окружения Ельцина предпринимались во все времена и при всех лицах, «посменно» его окружавших.

Усилилось давление на Черномырдина, когда он начал набирать вес за рубежом, особенно активно действуя в Российско-американской комиссии, возглавляемой им и вице-президентом США Гором. На этом сделало акцент президентское окружение, которое без устали внушало Ельцину, что Черномырдин, дескать, «тянет одеяло на себя». Раздражение искусственно нагнеталось и в связи с самостоятельной ролью премьера, которую он сыграл, вступив

в переговоры с целью спасти жизнь сотням заложников в больнице в Буденновске, захваченной чеченскими террористами в 1995 году. Тогда вся страна видела на телеэкранах Черномырдина, говорившего по телефону с чеченцами, – не Ельцина, а Черномырдина – значит, тот специально и заранее подготовил телесъемку, а его сотрудники следили за тем, чтобы этот сюжет многократно тиражировался. По мнению «семьи» (так в России стали называть ближайшее окружение Ельцина, несомненно придавая этому криминальный смысл), подобное уже вообще «выходило за все рамки». Ревность президента, очевидно, была основной причиной отставки Черномырдина, который, как он сказал мне позже, абсолютно к ней не был подготовлен – на это ему даже не намекал Ельцин.

Мне хотелось как-то по-человечески поддержать Виктора Степановича после его мартовской отставки. Случай представился через несколько дней. Черномырдину устроили грандиозное празднование его шестидесятилетнего юбилея. Старались задобрить «низвергнутого». Прием состоялся в государственном особняке с приглашением российской элиты, с чудесным концертом, с ломящимися от изобилия столами и, конечно, с букетом из шестидесяти алых роз, который преподнес юбиляру сам президент. Здесь же Ельцин наградил Черномырдина орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, подчеркнув, что это – высшая награда, так как орден I степени получают лишь главы государства.

Черномырдин был явно «не в своей тарелке». Недалеко от него за столом сидел новый премьер, С.В. Кириенко, который через некоторое время вместе с Ельциным покинул застолье. Шестидесятилетнему Виктору Степановичу, как мне показалось, не очень импонировали речи о необходимости «дать дорогу молодежи». Тогда я подошел к его столу и произнес тост (не имея в виду Кириенко, которого уважаю как человека весьма способного и, что не менее важно, порядочного): «Пожилой и молодой поспорили, кто умелее? Пожилой предложил влезть на дерево и вытащить из гнезда яйцо так, чтобы высиживающая яйца птичка не сдвинулась с места. Молодой попробовал – птичка улетела. Пожилой сказал: смотри, как это делается. Снял шубу, соболью шапку, залез и действительно вынул яйцо из-под нешелохнувшей птички. Спустился вниз, а там уже нет ни шубы, ни собольей шапки. Так выпьем за молодое поколение!»

Все, в том числе и молодые, громко смеялись.

Многое меня связывало и с Ю.Д. Маслюковым. Наши отношения сложились еще в ту пору, когда вместе работали в политбюро ЦК КПСС, и после того как я стал членом Президентского совета, а Юрий Дмитриевич – первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Видел в нем прекрасного специалиста, детально разбирающегося в вопросах промышленности в целом, военно-промышленного комплекса в особенности. Знал, что он человек, руководствующийся в своей деятельности здравым смыслом, интересами дела. Всей своей работой и в Госплане, и в Совете Министров он доказал «открытость» для новых идей, но наряду с этим взвешенность, практичность в подходе к тем теоретическим новшествам, которые не учитывают реальной действительности.

Общее мнение Черномырдина и Маслюкова, поддержавших в кабинете у президента мою кандидатуру на пост премьера, естественно, не оставило меня равнодушным. Но я опять отказался и посчитал, что этим окончательно закрыл вопрос о моем премьерстве. Попрощавшись со всеми, поспешил к лифту, стремясь поскорее попасть на Смоленскую площадь, где, знал, моего возвращения с нетерпением ждали ближайшие сотрудники, чтобы получить последнюю информацию о создавшемся положении. Но в кремлевском коридоре меня окружили глава администрации В. Юмашев, руководитель протокола президента В. Шевченко и дочь Бориса Николаевича Т. Дьяченко. Я развел руками – сказал, что не мог согласиться. Тогда Володя Шевченко, с которым меня связывают годы приятельских отношений, буквально взорвался – я никогда не видел его в таком возбужденном состоянии.

– Да как вы можете думать только о себе! Разве вам не понятно, перед чем мы стоим? 17 августа взорвало экономику, правительства нет. Дума будет распущена. Президент физически может не выдержать в любой момент. Есть ли у вас чувство ответственности?!

Не знаю, что со мной произошло, но эти слова настолько вошли в душу, что я лишьотреагировал вопросом: «Но почему я?»

– Да потому, что Думу и всех остальных сегодня устроит именно ваша кандидатура, и потому, что вы сможете.

Уже даже не помню, кто произнес последнюю фразу – Юмашев, Дьяченко или Шевченко. После моего спонтанного согласия меня начали обнимать. Кто-то побежал сообщить президенту.

Растерянность Ельцина, его готовность поставить во главе кабинета министров даже члена фракции КПРФ в Госдуме Маслюкова, только чтобы выйти из катастрофически тяжелой ситуации, выиграть время, были, как говорится, налицо. Но тогда я не проецировал все это на себя.

Нас, несомненно, связывали с Б.Н. Ельциным добрые отношения. За всю многолетнюю работу в качестве и руководителя СВР, и министра иностранных дел, т. е. до того, как возглавил правительство, я ни разу не испытал на себе недоброжелательства, раздражения, подозрительности или даже начальственного тона со стороны Ельцина, а ведь он далеко не славился ровным отношением к подчиненным.

Правда, я не входил в узкий круг окружающих его людей, кстати постоянно менявшихся, и не стремился к этому. Определенную дистанцию выдерживал и он, никогда не приглашая к себе домой или на узкие товарищеские застолья.

Однако были все основания считать, что Ельцин ценил меня как работника, коллегу. Он не раз говорил об этом, и не только говорил. После снятия Баранникова он предложил мне пост министра безопасности. Я отказался. Но уже через несколько лет он настоял на том, чтобы я принял не менее, а, может быть, и более важный пост министра иностранных дел. Очевидно, не многие получили в новой России, как я, два ордена – «За заслуги перед Отечеством» III степени, а затем II степени.

Мне даже не приходила мысль, что я тоже могу рассматриваться как временная фигура, призванная остановить выплескивающуюся наружу стихию.

Представляется, что и Ельцин в тот момент не уготовливал мне такую участь. Даже после всего пережитого мне трудно поверить, что при упорном выдвижении моей кандидатуры движущей силой с его стороны было коварство.

Вот так все это было. Но разве я мог предположить тогда, что буквально через пару месяцев окружение президента сосредоточится на борьбе против меня. Сначала исподволь, а затем все более открыто, используя самые недостойные приемы: организацию выступлений СМИ, распространение порочащих меня сплетен и – самое главное – постоянное наушничанье, дезинформацию большого президента, искусственно разжигая его ревность и подозрительность.

Хочу сразу же уточнить: абсолютно уверен, что в такой возне не только не принимал никакого участия, но и всеми доступными ему средствами стремился воспрепятствовать ей Шевченко.

Не буду подробно описывать, как отнеслись к моему согласию дома и друзья. Жене пришлось сказать: «Что сделано, то сделано – прекрати лить слезы». Друзья разделились на две части – одни считали, что поступил правильно, другие – нет. Но первая реакция тут же уступила место четкому настроению, сориентированному на безусловную поддержку со стороны жены, детей и взрослых внуков, всех друзей без исключения.

Президент в тот же день, 12 сентября, направил представление в Государственную думу, где я предстал перед депутатами. В Госдуме еще не остыли страсти в связи с предложением кандидатуры Черномырдина. Не думаю, что новое предложение президента по любой канди-

датуре там готовы были принять «с колес». Разговоры в СМИ об этом шли, однако они, как мне кажется, были беспочвенны. Может быть, поэтому такое массивное давление оказывалось на меня с целью получить согласие занять пост премьера.

В Кремле справедливо полагали, что моя кандидатура не вызовет отторжения депутатов. Будучи руководителем Службы внешней разведки и министром иностранных дел, я никогда не преуменьшал значения Госдумы, не посылал вместо себя в ее комитеты своих заместителей, не отказывался под благовидным предлогом, а их можно было при желании найти сколько угодно, встречаться с руководством различных фракций, выступать на их совещаниях. Всегда получался откровенный разговор, который, как я надеялся, свидетельствовал о моем уважении к депутатам, каких бы политических взглядов они ни придерживались. Это, очевидно, должно быть одним из непреложных правил поведения представителей исполнительной власти в плюралистическом демократическом обществе.

Многих знал лично. Но никогда не ориентировался на какую-то часть Думы. Интересно отметить, что впервые мою кандидатуру как «оптимальную для данного момента» на пост премьера (еще до голосования по Черномырдину) назвал не кто иной, как руководитель далеко не левой организации «Яблоко» Г.А. Явлинский.

Пересказывать все нет смысла: утверждение в Госдуме моей кандидатуры широко и достаточно полно освещалось по телевидению и в печатных СМИ. Хотел бы лишь обратить внимание на несколько моментов. Я не выступил с широкообещательными обещаниями. Более того, сказал, что «не волшебник» и что возглавляемое мной правительство не сможет в короткие сроки принести благополучие и процветание стране, находящейся в тяжелейшем кризисе.

В нескольких предложениях охарактеризовал свое видение того, как развиваться России дальше:

- продолжение движения к рыночным отношениям, но отказ от иллюзорных представлений о том, что главное – «броситься» в эти отношения, а рынок, дескать, сам все организует;
- усиление государственного регулирования с целью поднять промышленность и сельское хозяйство, защитить отечественного производителя;
- социальная ориентация экономики;
- создание надежных гарантий против того, чтобы группа лиц могла наживаться, присваивая бюджетные средства за счет жульнических операций с приватизацией, банкротством предприятий.

Подчеркнул, что мы не ставим своей целью очередной передел собственности, но это отнюдь не означает отказа от жесткой борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией.

Отметил необходимость изменить «экономическую модель», при которой Россия живет за счет экспорта своего сырья, импортируя жизненно важные продукты и товары и одновременно частично покрывая потребности общества за счет зарубежных кредитов. Подчеркнул, что отрицание этой модели не имеет ничего общего ни с отказом от иностранных, главным образом прямых, капиталовложений, ни с игнорированием необходимости отдавать должное макроэкономической политике, хотя она не является самоцелью и должна служить развитию производства.

Сознательно не останавливался на причинах событий 17 августа, сбивших с ног российскую экономику. Считал для себя недостойным призывать депутатов, которые должны были голосовать за меня как за главу нового кабинета, искать виновных. Что касается «охоты на ведьм», то всегда был и сегодня остаюсь противником этого. Привлекаться к ответственности должны не те, кто совершает ошибки, а те, кто специально создает ситуацию, для того чтобы поживиться на этом за счет страданий людей.

Сказал и о «горящих» проблемах, которые предстоит решить для снабжения населения зимой продовольствием, лекарствами в условиях резкого сокращения импорта, «северов» – топливом.

А перед голосованием, как говорят, «с языка сорвалось»: «Не знаю, что для меня лично лучше – проголосуем вы за меня как за главу правительства или нет».

При голосовании получил 317 «за» – больше конституционного большинства. Это был своеобразный «рекорд». «Против» консолидированно голосовала только фракция ЛДПР Жириновского, который через несколько дней пришел ко мне в Белый дом, чтобы сказать: «Не обращайтесь внимания, это политика, а сам я к вам отношусь превосходно и буду вас поддерживать».

Формирование кабинета: долгожданная свобода рук

Столь сильно выраженная поддержка Государственной думы способствовала нормальному процессу создания правительства.

Положение облегчалось и тем, что я решал эту задачу в условиях отказа президента и действующего через Ельцина его окружения от навязывания – такая практика имела место до меня и после меня – главе правительства тех или иных лиц на посты его заместителей, министров и других высших государственных чиновников. За непривычным «дистанцированием» Кремля от формирования кабинета стояли в тот момент и растерянность, и опасения того, что я могу «взбрыкнуть» – тогда этого хотели избежать, – и нежелание брать на себя ответственность за трагически тяжелую экономическую ситуацию в стране, да еще и неспособность выплачивать многомиллиардную задолженность, накопленную в предшествующий период и усугубленную отказом Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка реконструкции и развития (МБРР) выполнять ранее взятые на себя обязательства по кредитам. Пусть расхлебывает все это новый глава кабинета и им самим подобранные министры.

Несомненно, окружение президента вынуждено было серьезно отнестись к тому, что я имел прямой выход на Б. Н. Ельцина, и во время первой же встречи после утверждения меня Госдумой он полностью согласился с тем, что любые кадровые назначения в правительстве не могут осуществляться без моего представления или прямого одобрения мною рассматриваемой кандидатуры.

Так или иначе, но я получил свободу рук при формировании кабинета.

На событиях, связанных с формированием правительства, на результатах этого процесса и некоторых выводах хотел бы остановиться подробнее. И далеко не только потому, что впервые в истории демократической России или даже Советского Союза министрами стали члены различных партий (не в счет – это было в первые годы революции, когда на очень небольшой период в правительство входили левые эсеры).

Вопрос о том, как формировать правительство в условиях многопартийной Государственной думы, стал одним из наиболее важных лишь в конце 90-х годов. До кризиса, порожденного экономической практикой девяностых, об этом мало кто задумывался. Тем более что действующая Конституция дает право президенту предлагать кандидатуру председателя правительства Думе, а после его утверждения практически неограниченную возможность диктовать состав кабинета. Так все и происходило – назначения и отставки тех или иных заместителей председателя и министров осуществлялись в зависимости от интересов, а нередко и настроений президента, подчас искусственно создаваемых его ближайшим окружением.

После того как проводимый экономический курс завел страну в тупик, стало ясно, что правительство не может работать без тесной связи с Думой. Но как сделать эту связь органичной? В некоторых странах вопрос решается просто – создается правительство большинства. Но это в основном страны с двухпартийной системой в парламенте или с многопартийной, но в

конечном счете опять-таки с двумя определяющими партиями и примыкающими к каждой из них «сателлитами». На данном этапе в России нет ни того, ни другого. Поэтому при формировании правительства я стремился исходить – такой подход, полагаю, сохранит свое значение и впредь – прежде всего из профессионализма в качестве основного критерия. Но нельзя было не учитывать и принадлежность того или иного профессионала к партиям или движениям, представленным в Государственной думе. Это, несомненно, способствует поддержке кабинета Думой. Однако необходимо было сделать все, чтобы правительство не стало «заложником» партий, представленных в парламенте, – министры должны, обязаны отказаться от выполнения прямых указаний руководства своих партий и работать согласно курсу, принимаемому кабинетом.

Я с самого начала исходил из этих идей. К сожалению, президент и кремлевская команда в целом продолжали ассоциировать министров с партиями и соответственно к ним относиться.

С Маслюковым вопрос был предreshен, и я предложил ему быть первым заместителем председателя, ведающим в целом экономическими вопросами. И не только потому, что он входил во фракцию КПРФ, самую большую в Госдуме. Я знал, что Юрий Дмитриевич весь отдастся работе, полностью ему доверял, кстати, ни разу в этом не ошибся.

Сначала считал, что другой первый заместитель должен заниматься социальными проблемами. Кому возглавить этот наиважнейший участок работы?

Как будто услышав этот немой вопрос, в кабинет зашел секретарь и сказал, что на несколько минут просит его принять Явлинский. Состоялся довольно подробный разговор. Из него явствовало, что «Яблоко» готово помогать правительству. Разговор был откровенный, так как мы давно знали друг друга и, как мне представляется, несмотря на некоторые коллизии, возникавшие время от времени из-за не всегда продуманных высказываний Явлинского, друг к другу неплохо относились.

Я предложил Григорию Алексеевичу наряду с Маслюковым стать тоже первым заместителем председателя правительства, курируя все социальные проблемы. При этом подчеркнул, что они настолько масштабны, что, конечно, ему придется заниматься и экономикой. Явлинский отказался.

После некоторых раздумий и обмена мнениями с опытными в этих вопросах коллегами решил, что все-таки наряду с Маслюковым другим первым заместителем следует сделать одного из губернаторов, поручив ему весь региональный «срез» деятельности правительства. Посоветовали активного, с «бульдोजей хваткой» губернатора Ленинградской области В.А. Густова. Я виделся с ним пару раз в бытность министром иностранных дел. Густов ко мне тогда приходил в поисках союзников в деле строительства двух портов в Ленинградской области с терминалами для угля и нефти. Его напористость мне понравилась. В пользу Густова свидетельствовала и его подготовленность к разговору – он положил на стол расчеты, сравнительные данные, прогнозные оценки рентабельности и окупаемости строительства. Импонировало и то, что губернатор не ставил вопрос о получении средств из госбюджета, а просил поддержки в получении кредитов, которые, как он показал, будут погашаться в срок и «без надрыва».

Позвонил Густову по телефону и сделал ему предложение. Мне, не скрою, очень понравилось, что он сразу согласился – без кривляний, «без надувания щек». Придя в правительство, он решал нелегкую задачу налаживания тесных связей с субъектами Федерации и со странами СНГ, принимал активное участие в подготовке и проведении всех моих весьма полезных встреч с региональными ассоциациями – в восьми ассоциациях объединились 89 субъектов Российской Федерации. Стал заместителем председателя Исполкома союза «Россия – Белоруссия» и содействовал решительному положительному сдвигу в работе этого важного органа, который я возглавил как российский премьер.

Хочу сразу же рассказать и о том, как Густов ушел из правительства. Это, по-видимому, необходимо, так как в некоторых материалах СМИ утверждалось, что вопреки «заверениям

Примакова» Густов был «сдан». Такие «аналитические оценки» были далеки от действительности.

Где-то в середине апреля 1999 года Густов сказал, что хотел бы посоветоваться со мной: если я буду настаивать, то он, безусловно, продолжит работу, но в сентябре очередные выборы губернатора в Ленинградской области, и он мог бы в них принять участие. Я ответил Вадиму Анатольевичу: «Не хотел бы отпускать вас, но не имею морального права препятствовать желанию переизбраться губернатором».

Через две недели во время очередного доклада президенту Б.Н. Ельцин сказал о своем желании произвести замену: сделать первым заместителем вместо В.А. Густова С.В. Степашина, который тогда работал министром внутренних дел. «Это нужно, – добавил Ельцин, – чтобы усилить блок “силовики”. Я знаю, что вы со Степашиним в дружеских отношениях, не так ли?»

Я, имея в виду предшествовавший разговор с Густовым, согласился на такую замену, но попросил Бориса Николаевича пригласить Густова и сказать ему о поддержке его кандидатуры на пост губернатора Ленинградской области. Ельцин сразу же поддержал эту идею.

Возвратился в Белый дом, где ко мне зашел встревоженный Густов со словами: «Меня срочно вызывают к президенту». Через час Вадим Анатольевич вернулся и, разведя руками, сказал: «Ничего не понимаю. Пригласил сесть. Буквально мимоходом расспросил о работе, а затем поблагодарил и обнял». В это время по телевидению уже передавали указ об освобождении Густова и назначении Степашина.

Единственное, что мне удалось сделать, это настоять, чтобы в текст указа внесли дополнение об освобождении Густова «в связи с переходом на другую работу» – в первоначальном виде в указе, подготовленном уже ставшим к тому времени главой администрации президента Волошиным, не было и этого.

Назначение С.В. Степашина воспринял нормально – еще с того времени, когда я руководил разведкой, а он контрразведкой, у нас сложились товарищеские отношения. «Многоходовую» затею Ельцина начал понимать, да и то не до конца, после знаменитого «не так сидим», когда во время заседания комиссии, готовившей празднование третьего тысячелетия, Ельцин – это муссировалось во всех средствах массовой информации – сделал демонстративное замечание по поводу того, что Сергея посадили в российской делегации далеко от президента.

Но это все было потом, а теперь вернемся к сентябрю 1998 года, когда еще только шло формирование кабинета.

Итак, кто пойдет на социальный блок? По всем статьям, как мне казалось, на пост заместителя председателя правительства подходил способный молодой политик Владимир Рыжков. Он был одним из видных деятелей фракции «Наш дом – Россия» в Госдуме. Связался с ним по телефону, так как он находился в командировке за границей. После нескольких телефонных разговоров В. Рыжков дал согласие. Я считал, что вопрос решен. Но, приехав в Москву, Рыжков сразу же пришел ко мне и сказал, что не имеет права по моральным соображениям подводить Черномырдина, который предложил ему возглавить фракцию НДР в Госдуме. Добавил, что в дальнейшем хотел бы создать правоцентристскую консервативную партию. Я был огорчен его отказом.

Вот тогда я и подумал о кандидатуре Валентины Ивановны Матвиенко. Знал ее много лет, дорожил и дорожу нашими дружескими отношениями. Где бы она ни работала, проявляла себя прекрасно – и заместителем председателя исполкома горсовета Ленинграда, и в Верховном Совете СССР, и в МИДе, и послом в Греции, кстати, одним из лучших российских послов (пишу об этом со знанием дела, так как руководил МИДом и к тому же в качестве министра посетил Грецию). Во время формирования правительства Матвиенко находилась по делам в Москве. Был ей очень благодарен за то, что она откликнулась согласием на мою просьбу. Она

приняла мое предложение ради дела и не в последнюю очередь, как сказала сама, из желания работать со мной в одной команде в такой непростой для России ситуации.

Оставалось еще подобрать трех заместителей, для того чтобы укрепить экономический блок. Из всех заместителей председателя предыдущего правительства решил оставить одного только В.Б. Булгака, которого знал давно как прекрасного специалиста, и при распределении обязанностей попросил его сосредоточиться главным образом на проблемах, связанных с «естественными монополиями».

Не сомневался, что нужен заместитель, непосредственно занимающийся аграрными делами и шире – аграрно-промышленным комплексом. Пригласил на эту должность Г.В. Кулика. Входя в депутатскую группу аграриев, он глубоко «копал» сельскохозяйственные проблемы в Госдуме. Работая на разных должностях, Кулик реализовал свое несомненное дарование пробивать через все мыслимые и немыслимые препятствия решения задач, с которыми связан подъем сельского хозяйства. Хорошо разбираясь в бюджетных делах, он был полезен в правительстве при решении не только сельскохозяйственных проблем. В команде всегда нужен «возмутитель спокойствия», будоражащий любое обсуждение вопросами, репликами, но исполняющий принимаемые решения.

Кто будет заниматься финансами, бюджетом, макроэкономической политикой, переговорами с международными организациями? Мне посоветовали А.Н. Шохина – в то время руководителя фракции НДР. Это безусловно опытный, хороший экономист. Указ на Шохина по моему представлению был президентом подписан.

Однако через несколько дней, когда министром финансов был назначен опять-таки по моему представлению и настоянию М.М. Задорнов, высокий профессионал, отлично знающий бюджет, но на которого, к сожалению, легла тень событий 17 августа – он был министром финансов правительства Кириенко, – Шохин демонстративно подал в отставку.

Выбор Задорнова был для меня нелегким, но я все-таки остановился на нем, так как работа над жестким или даже жесточайшим бюджетом была первостепенной задачей, с которой, как я полагал (и не ошибся в этом), он несомненно справится. Что касается отставки Шохина, мотивированной назначением «повинного в событиях 17 августа Задорнова», то, по моему мнению, ее главная причина все-таки была в неверии в возможный успех правительства.

Что ж, как говорится, каждый сам себе хозяин. Нам всем, конечно, было неприятно, что два заместителя главы кабинета подали в отставку, практически не приступив к работе. Возмущался этим в беседе со мной и Виктор Степанович Черномырдин, тем более что оба входили в руководимый им НДР. Посоветовавшись, решили место Шохина не занимать, распределив между собой его обязанности. Я пришел к выводу, что Министерство финансов будет непосредственно «выходить» на меня, как и Министерство государственного имущества, а Юрий Дмитриевич Маслюков будет курировать экономическую сферу деятельности правительства в целом.

Однозначного мнения придерживался по поводу назначения на пост председателя правления Центробанка Виктора Геращенко, или Геракла, как его называют окружающие. Этот ключевой пост представлял особый интерес для тех в окружении президента, кто играл свою далекую от интересов общества игру в координации с прежним руководством Центробанка. Но в момент моего прихода в правительство навряд ли кто-то мог в открытую пойти против назначения Геращенко. А я знал его очень давно – еще в то время, когда он возглавлял в конце шестидесятых отделение Московского народного банка в Бейруте, а потом в Лондоне и уже в качестве руководителя Центробанка, с работой которого был знаком и я, отвечая за внешнеэкономическую сферу в Президентском совете при М.С. Горбачеве. Один из лучших профессионалов-банкиров, надежный человек, не склонный к авантюрам, непродуманным шагам, В.В. Геращенко, как никто другой, подходил в тот момент к должности председателя правле-

ния Центрального банка. Его позиции еще более окрепли после того, как первым заместителем стала Т.В. Парамонова.

Относительно быстро решили вопрос и о назначении министров. В это были непосредственно вовлечены уже работающие заместители председателя. Не буду подробно рассказывать о каждом назначении, подчеркну лишь, что полное изменение состава предыдущего кабинета не стояло в качестве цели. Да и не могло стоять. На ряде постов работали достойные люди, например министр юстиции П.В. Крашенинников – образованный, широко эрудированный юрист и принципиальный человек. Недаром его считают учеником Вениамина Федоровича Яковлева – блестящего специалиста и честнейшего человека. К сожалению, Крашенинников поплатился за свою порядочность – его заменили, но это уже было после меня.

При подборе некоторых новых министров хотели максимально учесть мнение профессионалов. Так, например, до назначения министром культуры В.К. Егорова В.И. Матвиенко опросила десятки литераторов, театральных деятелей, работников музеев, библиотек и других. Такой предварительный опрос полностью себя оправдал и при назначении министра образования и науки.

По отзывам творческих работников, Егоров был одним из лучших министров культуры за многие последние годы. Он оставался в правительстве и после моего ухода. Однако его принесли в жертву, когда понадобилось место для высвобождаемого из руководства государственной телевизионной компанией М.Е. Швыдкого. Вспомнили, очевидно, что до этого назначения он был заместителем министра культуры, а так как, работая на телевидении, свято выполнял любые указания сверху, обижать его было нельзя, и он пошел на повышение.

Хотел бы отдельно остановиться на «проблеме» В.Б. Христенко. В предыдущем правительстве он занимал пост заместителя председателя. Я ему предложил быть первым заместителем министра финансов. Христенко согласился и отлично работал на этом посту, добросовестно взяв на свои плечи всю тяжесть бюджетных взаимоотношений с регионами. Контролируя целенаправленное использование трансфертов, он нашел общий язык с губернаторами, что многим казалось невероятным. Если бы наше правительство просуществовало еще какое-то время, он обязательно был бы предложен на выдвижение. Я искренне обрадовался тому, что этот хороший работник и, как показал восьмимесячный опыт, скромный, но, несомненно, принципиальный человек, умеющий отстаивать интересы дела, был назначен первым заместителем председателя в кабинете Степашина.

В правительство вошли люди, принадлежавшие к различным политическим организациям: КПРФ (двое), Аграрной партии (двое), ЛДПР (один), «Яблоко» (один), «Регионы России» (один). Некоторые из новых министров симпатизировали различным партиям и движениям, но в них не входили. Можно ли было назвать такое правительство коалиционным? Думаю, нет. Прежде всего потому, что все вошедшие в него подчинялись тем единым «правилам игры», которые устанавливались в кабинете. Сразу договорились о полной неприемлемости для любого члена правительства выполнять какие-либо обязательства перед политическими структурами. Не скрываю, руководители многих фракций Государственной думы предлагали свои кандидатуры, но мы ни разу не ставили эти просьбы выше профессионального критерия.

Были попытки и со стороны администрации косвенно воздействовать на меня по некоторым кандидатурам. Например, очень уж хотелось Т.Б. Дьяченко видеть на посту министра здравоохранения вместо представленного мною и в конце концов назначенного В.И. Стародубова другого человека – не медика, да и к тому же достаточно глубоко погруженного в коммерческую деятельность и, по многим отзывам, зависимого от определенных банковских структур. Татьяна Борисовна даже «вступила в переговоры» с моей женой с просьбой повлиять на меня. Жена ответила, что никогда не обсуждает со мной служебные вопросы и не пользуется в этом никаким на меня влиянием.

«Разведчики» против журналистов?

Руководителем аппарата правительства – министром РФ стал Ю.А. Зубаков, проработавший со мной до этого десять лет в качестве консультанта в Президентском совете, заместителя директора СВР и заместителя министра иностранных дел. Руководителем Секретариата председателя правительства назначил Р.В. Маркаряна, проработавшего со мной еще больший срок – около 20 лет. Больше никого на руководящие должности ни в правительство, ни в его аппарат с собой не привел. Не могло быть и речи о каком-то местничестве – выдвижении, скажем, людей из Питера, москвичей, тбилисцев или екатеринбуржцев. Кстати, Зубаков родился и вырос в Забайкалье, а Маркарян – в Баку.

Перед ними в качестве первоочередной задачи была поставлена задача навести жесткий порядок прохождения документов в аппарате, четкую подготовку заседаний, решений правительства, исключить утечку информации, что превратилось чуть ли не в повседневную практику.

Мы столкнулись с тем, что по коридорам Белого дома слонялись какие-то люди, попавшие туда по неизвестно кем, когда и с какой целью выписанным пропускам. Они беспрепятственно заходили во многие кабинеты, и в результате улетучивалась информация о готовящихся шагах правительства. Не меньший вред наносило и то, что находящиеся лишь на первом этапе своей подготовки документы копировались «неизвестными лицами» и выдавались в некоторых СМИ за уже принятые правительством постановления. На самом же деле часто в этих постановлениях после доработки не оставалось ничего из первоначальных проектов, или, как мы их называли, «болванок».

Ужесточение режима посещения посторонними лицами Белого дома ряд средств массовой информации тут же представили как нововведение «разведчика Примакова» (тем более что и Зубаков, и Маркарян работали со мной в СВР) и даже как противодействие столь желанной гласности. Это совершенно не соответствовало действительности. Более того, я решил каждую субботу собирать корреспондентов, аккредитованных при правительстве, и рассказывать им подробно о готовящихся шагах и о нашей текущей работе. Состоялось несколько таких многочасовых встреч. Они прекратились не по моей вине – отдельные участники вразрез с журналистской этикой начали публиковать те сведения, с которыми их знакомили «не для печати».

Вообще широко распространялись разговоры о моей «неуживчивости» и даже конфронтационности в отношении журналистов. Якобы я озабоченно и досконально прочитываю все, что публикуют про меня, не способен воспринимать никакой критики и «не держу удара». Даже появились побасенки, будто показывал Ельцину подборку расцвеченных разными фло-мастерами выдержек из статей, написанных против меня. Так описывается в его мемуарах. Это все досужие домыслы.

Конечно, мне бывают неприятны публикации, в которых приводятся ложные сведения или фальсифицируется сказанное мною. И только. Что касается сотрудничества с журналистами, то еще до того, как пришел в правительство, никогда не отгораживался от них. Более того, периодически участвовал в Агентстве ИТАР-ТАСС во встречах за обедом с руководителями средств массовой информации и откровенно отвечал на все их вопросы. Такие встречи проводились даже после того, как один из сопровождавших меня сотрудников обнаружил, что мои ответы, как было обговорено, не предназначенные для печати, тайно записываются в соседней комнате на пленку.

Я сам был в течение 15 лет профессиональным журналистом. Уважаю и высоко ценю самоотверженный, нелегкий журналистский труд, без которого не в состоянии существовать

нормальное общество. И несомненно верю в то, что «проплаченные журналисты» вскоре в России станут исключением из правил.

Правительство – могу это смело сказать – было сформировано «не по благу». Позже Г.А. Явлинский заявил в одном из своих зарубежных интервью, что за занятие тех или иных постов были уплачены большие суммы денег. Я сразу же обратился к нему через телевидение с требованием назвать имена и сказал: «Если не назовете их, значит, вы потакаете преступникам». Имена названы не были, а с помощью определенной части СМИ это конкретное обвинение – здесь его автор «попался» – было переделано в обвинение отдельных членов кабинета в «грехах» начала 90-х годов. По этому поводу я направил запросы в Генеральную прокуратуру, Министерство внутренних дел и Федеральную службу безопасности. Из всех трех организаций тогда были получены ответы, не подтвердившие выдвинутых обвинений.

Но все это уже относилось к тому периоду, когда началась развернутая атака на правительство. А на начальной стадии нам казалось, что тяжелейшие задачи, стоявшие перед нами, будем решать в спокойных благоприятных условиях.

2. Что досталось в наследство

Россия под псевдолибералами

А задачи были поистине тяжелейшими. К середине 1998 года в России в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Падало производство, росла безработица, месяц от месяца накапливались долги по заработной плате бюджетников, денежному довольствию военнослужащих, пенсиям. Забастовки не только захлестывали страну, но принимали все более опасный характер – уже в мае забастовщики начали перекрывать важные железнодорожные и автомобильные магистрали, подвергая угрозе закрытия все еще работающие предприятия. Когда я пришел в Белый дом, на его пороге сидели шахтеры, разбившие здесь палаточный лагерь и стучавшие периодически касками по асфальту, – они требовали выплаты заработной платы. Начал «расшатываться» установленный Центробанком валютный коридор, в пределах которого мог колебаться курс рубля. Угроза взрывного роста цен становилась все более ощутимой.

Есть все основания считать, что это было закономерным результатом курса экономического развития России начиная с 1992 года. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя «либералами», подчеркивали свою связь с «чикагской школой», некоторые представители которой получили на Западе широкое признание и даже были удостоены Нобелевской премии.

Современный либерализм как направление экономической мысли, если говорить тезисно, проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Это сводит функции государства к решению вполне определенных и ограниченных задач: снижение налогового бремени, поддержание равных для всех условий конкуренции, что в конечном итоге должно способствовать тому, чтобы предприятия и население сами оптимально распорядились своими доходами. В свою очередь это призвано расширить внутренний рынок, что создает импульс для развития производства и сферы услуг.

Однако матрица либерального подхода к экономике – так показывает международный опыт – никогда не может сугубо универсально накладываться на «пульсирующую» реальную действительность той или иной страны – без учета ее специфики, истории, уже встроенных в экономику государственных структур.

Доморощенные «либералы» все это в России проигнорировали. Параллельно с разрушением существовавшего хозяйственного механизма они провели шоковую либерализацию цен, приватизацию ради приватизации, так как во главу угла были поставлены ее масштабы, а не связь с ростом эффективности производства. Открытие экономики страны произошло одновременно: внутренний рынок был распахнут перед жесточайшей мировой конкуренцией, причем вопрос о способности российских предприятий выжить даже не рассматривался. А ведь приспособление отечественного производителя к новым условиям требовало не только принятия соответствующих мер, стимулирующих модернизацию производства, но и снятия внешнеторговых барьеров постепенно, плавно, чтобы дать предприятиям время на оздоровление своей деятельности.

Создание рыночной инфраструктуры осуществлялось, мягко говоря, своеобразными методами. Ярким примером могут служить манипуляции с государственными казначейскими обязательствами (ГКО). Не кто иной, как Минфин, размещал бюджетные средства на беспроцентной основе в избранных коммерческих банках. Банки в свою очередь за *государственные* – хочу это особо подчеркнуть – деньги скупали ГКО. Баснословные прибыли доходили до 150–

200 процентов годовых. Эти же средства также использовались для дешевой скупки высоколиквидных государственных предприятий. Таким образом, государство лишалось не только собственности, но и финансовых ресурсов. Огромные суммы были вывезены на Запад и осели на счетах в том числе и коррумпированных чиновников, пособничавших такой «технологии».

Развитие рынка ценных бумаг, безусловно, важное и необходимое условие становления рыночной экономики. Но только в том случае, если этот рынок становится инструментом привлечения внутренних и внешних инвестиций в развитие производства. У нас же капитал ушел на высокодоходный рынок ГКО и практически отвернулся от финансирования российской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства. Он выступал главным образом в краткосрочной спекулятивной форме. Произошел значительный спад производства и готовой продукции в России. Под ударом оказались люди в первую очередь с низкими доходами. Это больно сказалось и на процессе формирования среднего класса.

Иногда ссылаются на пример 1997 года, представляя его чуть ли не переломным, более того, результатом предшествовавшей «правильной экономической политики». Действительно, в первой половине 1997 года произошел рост курса акций, сопровождаемый снижением доходности ГКО до 25–30 процентов. В результате остановилось падение производства. Но уже с осени 1997 года начался обратный процесс снижения курса акций и сильного повышения ставок рефинансирования – до 60 процентов. Доходность ГКО одновременно повысилась до 60–100 процентов. Сыграло свою роль падение мировых цен на нефть. Но не обошлось и без сговора участников рынка государственных ценных бумаг. К июлю 1998 года спад промышленного производства достиг рекордной с 1994 года цифры – 9,4 процента!

Я не думаю, что с самого начала авторы курса на «шоковую либерализацию» руководствовались корыстными интересами. Е.Т. Гайдар, например, возглавивший этот курс в России, прошел через серьезную эволюцию от содержательных, смелых по тому времени статей, опубликованных в горбачевский период и посвященных преобразованию существовавшей экономической системы, до вывода о необходимости ее ликвидировать без тесной, органичной увязки с созданием подлинно рыночных инфраструктур, с тем чтобы отмирание старого способствовало рождению *здорового* нового. «Цель оправдывает средства» – этот большевистский лозунг хоть и не провозглашался открыто, но отражался в полном равнодушии в отношении непомерных издержек, неисчислимых трудностей и людских страданий. Главное виделось в том (я считаю, что во всяком случае Гайдар по-своему честно видел главное в такой цели реформы), чтобы пройти точку «возврата». А что будет за этой «точкой», его и его сподвижников мало интересовало. Все, дескать, «уляжется».

Само собой курс реформ, несомненно, способствовал появлению среднего класса, предпринимательской социальной прослойки. Однако, будучи осуществляемым в весьма специфической форме, он еще в большей степени инициировал невиданно быстрое обогащение кучки людей – впоследствии некоторых из них назвали в России олигархами. Им удалось буквально за считанные годы сколотить миллиардные состояния прежде всего на эксплуатации богатейших сырьевых ресурсов России. Казалось бы, все, что от Бога, должно принадлежать всему обществу. Лоббируя интересы «кучки олигархов», псевдолибералы перераспределили в их пользу российские сырьевые богатства. Поддержка олигархам обеспечивалась при приватизации: победитель «конкурса» определялся заранее; под предлогом необходимости закрыть дыры бюджета государственное имущество переходило в его собственность по явно заниженной цене.

Олигархи, в свою очередь, делали все, чтобы и дальше сохранить у власти тех, кто помогал им «снимать сливки», а не честно зарабатывать на росте производства, развитии сферы услуг. Они протянули шупальца в окружение Ельцина, способствовали его переизбранию в 1996 году и в результате сами или через своих представителей непосредственно участвовали в выработке выгодной им экономической и кадровой политики.

Е. Гайдар в книге «Государство и эволюция» обосновывал необходимость «обмена власти на собственность». Итогом курса, проводимого в 90-е годы, стал не отход от власти в «обмен» на собственность, а сращивание государственной власти с собственностью уже на новой, посткоммунистической основе. Процесс этот в конце концов в наиболее контрастном виде проявился в непосредственном окружении президента, который, не исключая этого, возможно, и не был посвящен во все детали.

Стало очевидно, что те, кто в 90-е годы формулировали и проводили в жизнь экономический курс России, отнюдь не отказались от совершенно несвойственных, а подчас и противоположных либеральному подходу целей и методов. Среди них в первую очередь высокие налоги. Не обошлось и без государственного вмешательства, но прямо противоположного решению задачи создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов. Вместо этого властью осуществлялась выборочная поддержка отдельных предприятий путем установления эксклюзивных экспортных квот, особенно на нефть, освобождения от уплаты таможенных пошлин, налоговых льгот, скидки отдельным перевозчикам по линии МПС, предоставление целевых кредитов и так далее. Все это не имело ничего общего с поощрением тех, кто находится на острие научно-технического прогресса, или на первых порах тех, кто вкладывает средства в производство остро необходимой обществу продукции.

По признаку близости к власти имущим предоставлялись государственные кредиты и другие привилегии коммерческим банкам, получающим право обслуживания государственных программ, в том числе таких масштабных и прибыльных, как, например, торговля оружием.

Финансирование дотационных районов России – а к моменту назначения нашего правительства таких было 83 из 89 – осуществлялось из федерального бюджета на основе субъективных решений центральных властей. Так, например, я был ошарашен, узнав, что среди группы «депрессивных» территорий числится город-курорт Сочи, где отдыхает высшее руководство страны, и в этой же группе отсутствует Брянская область, население которой в наибольшей степени пострадало от чернобыльской трагедии.

Положение усугубилось «мягким» отношением к неоправданным бюджетным расходам. Достаточно назвать цифру представителей различных министерств, ведомств, центрального правительства в субъектах Федерации (не считая правоохранительных органов) – более 300 тыс. человек, не только получающих зарплату из федерального бюджета, но и использующих оплаченный автотранспорт, квартиры и так далее и тому подобное.

Акцент на макроэкономическую политику для российских либералов был скорее самоцелью. Во всяком случае макроэкономическое регулирование не служило созданию условий для развития реальной экономики (производство падало), не приводило к позитивным сдвигам в социальной области (жизненный уровень населения снижался, не были начаты реформы здравоохранения, пенсионной системы). Характерен такой пример: в рыночной экономике считается, что снижение инфляции до 30–40 процентов предполагает оживление производства, рост инвестиционной активности. У нас уровень инфляции был значительно ниже этой пороговой цифры, а производство продолжало падать.

Естественно, все это усиливало социальную напряженность. Либералы пытались «выпустить пар», прибегая к займам из-за рубежа, которые превратились в незаменимую подпорку уродливой экономики, по сути посадили всю страну «на иглу».

В целом реформы так называемых либералов дорого обошлись России. Была создана модель экономики, которая характеризовалась дисбалансом между отечественным производством и потреблением. Страна существовала главным образом за счет экспорта сырья и импорта продовольствия и готовой продукции. В результате низких масштабов загрузки мощностей предприятий резко сократилась отдача основного капитала и его реальная стоимость. Потребности развития не покрывались инвестициями, уровень которых оставался крайне низким, не обеспечивающим даже простого воспроизводства основного капитала и пополнение

собственных оборотных средств. В таких условиях особенно болезненно сказалась достигшая огромных масштабов утечка российских капиталов за границу, многократно превысившая внешние заимствования.

Натурализация, низкий уровень денежного обращения стали отличительной чертой хозяйственных связей.

Нужно сказать вполне определенно, что курс, принятый псевдолибералами в области экономики, дал простор коррупции, экономическим преступлениям, произволу государственных чиновников.

Результаты 17 августа

Миллиарды, сотни миллионов долларов, присвоенных незаконным путем, украденных в результате махинаций, выкачанных за границу, – все это неизмеримо утяжеляло переход к рыночным отношениям, делало его еще более болезненным для основной массы населения. Становление рыночной экономики, неизбежно сопровождаемое инфляцией, спадом производства, снижением жизненного уровня, было совершено другими странами в относительно короткий период. Россия стала «чемпионом» не только по глубине бед и болезней, переживаемых при переходе к рыночным отношениям, но и по тому затянувшемуся периоду, в течение которого люди, общество в целом испытывают неизмеримые трудности. В немалой степени этому способствовало принципиальное нежелание псевдолибералов бороться с экономической преступностью.

К середине 1998 года стало ясно, что экономический курс «либералов» завел страну в тупик. Именно в таких условиях 17 августа был объявлен мораторий на выплаты держателям ГКО и облигаций федерального займа (ОФЗ). Этот шаг катастрофически усугубил многочисленные негативные процессы и явления в экономической, социальной и политической сферах России.

Я думаю, что авторы решений 17 августа не предвидели их реальных последствий, а посоветоваться с представителями других экономических направлений считали для себя абсолютно необязательным, ну, если хотите, унижительным. Вообще это, к сожалению, характерная черта всех «реформаторов», выплеснутых событиями 90-х годов на ведущие экономические позиции в России и не имевших до этого серьезного опыта работы. Им свойственно явное пренебрежение чужим мнением у себя в России, «экономическое самолюбование», которое открывало им путь не только к самоутверждению – это было бы еще полбеды, – но и к бездумному, в конечном счете безответственному экспериментированию в масштабах огромной страны.

Решения 17 августа были трагической ошибкой. Но для всех ли, кто участвовал в их подготовке? До сих пор не нахожу ответа на закономерный вопрос, почему накануне этих решений, летом 1998 года, на 4 млрд долларов были размещены евробонды по весьма высоким ставкам? Почему бывшее руководство Центробанка накануне неизбежной девальвации выразило готовность брать и тратить в тот момент дорогие доллары?

Был ли осведомлен о готовившихся решениях правительства и Центрального банка президент? Позже я узнал, что к нему пришли несколько человек и в общих чертах сказали о готовившейся акции. Но при этом успокоили: казна получит дополнительно свыше 80 млрд рублей, чуть-чуть упадет рубль и чуть-чуть может увеличиться инфляция, но одномоментно, а через короткий срок негативные результаты уйдут, все станет на свои места, в то время как бюджет получит столь необходимые средства.

Не знаю, сказали ли об этом Ельцину или нет, но о подготовке совместных решений правительства и Центробанка был осведомлен и МВФ. Кстати, в последующем, при встрече с заместителем директора-распорядителя МВФ, попытавшимся говорить с нами как бы «свы-

сока», я прервал его, сказав, что с представителем МВФ (об этом я узнал от М.М. Задорнова) был своеобразный проговор перед принятием решения 17 августа, и нечего теперь представлять себя в качестве «высшего судьи», полностью отстраненного от случившегося.

Когда проявились ошеломляющие результаты сделанного, Ельцин в разговорах со мной, правда не называя ни одной фамилии, не стеснялся в выражениях по поводу авторов решений 17 августа.

Как руководителю правительства мне представлялось, что необходимо показать непричастность Ельцина к событиям, положившим всю российскую экономику навзничь. Поэтому в ответ на заданный мне одним из журналистов вопрос, был ли президент в курсе готовившихся акций, ответил отрицательно. Сразу же крайне болезненно отреагировали на мое высказывание в окружении Ельцина, очевидно подозревая меня по уже существовавшей в то время схеме в том, что я пытаюсь показать президента «отчужденным» от реально происходящих в России событий, недостаточно вовлеченным в ключевые вопросы экономической политики. А я-то старался...

Возможно, подоплека такой негативной реакции «семьи» была другой: опасались, что признание непричастности Ельцина уберет тот щит, которым они могли бы прикрыться.

Между тем реальная «цена», которую заплатила Россия и россияне за по меньшей мере непрофессиональные решения от 17 августа, была огромной.

ВВП. Его объем, несмотря на оптимистические прогнозы, начал сокращаться еще до событий 17 августа: в мае 1998 года – на 4,5 процента (наибольшее сокращение с конца 1994 года), в августе – более чем на 8 процентов, а в сентябре – уже до 10 процентов.

Промышленное производство. Его спад в июле составил 9,4 процента, а после событий 17 августа – в сентябре достиг 14,5 процента.

Объем инвестиций резко сократился – на 23–25 млрд рублей. Возросли неплатежи.

Банковская система оказалась в полном параличе, попросту перестала функционировать. Только прямые потери коммерческих банков от решения 17 августа составили порядка 45–48 млрд рублей. Косвенные превзошли эту сумму еще миллиардов на 10 в результате девальвации рубля и выплат по «форвардным» контрактам, заключенным на основе существовавших в то время официальных обязательств Центробанка поддерживать обменный курс рубля в пределах 5,25–7,15 за один доллар США. Общие потери банковской системы России оценивались Отделением экономики Российской академии наук в 100–150 млрд «докризисных» рублей.

Эти потери распределились между банками далеко не пропорционально. Некоторые из них смогли, обходя закон, тем или иным путем вывести часть своих активов за рубеж либо переправить их в другие банковские структуры. Но факт остается фактом: в первой половине сентября в стране практически прекратились платежи. В результате даже некоторые железные дороги остановили перевозку грузов. Появилась реальная угроза полного паралича всей национальной экономики.

Инфляция в первую неделю сентября превысила 15 процентов, а за сентябрь в целом, несмотря на пожарные меры правительства, все же составляла более 38 процентов. Такой скачок выглядел особенно контрастно на фоне 11-процентной инфляции за весь 1997 год. По сути страна входила в режим гиперинфляции.

Доходы населения. Неуправляемая трехкратная девальвация рубля буквально взорвала потребительские цены. В результате реальные доходы населения понизились в сентябре 1998 года на 25 процентов (т. е. на четверть!) по сравнению с 1997 годом. Произошло резкое обесценение рублевых сбережений граждан. Многие вообще потеряли свои сбережения в обанкротившихся банках или утратили часть при необходимом переводе вкладов в Сбербанк.

Импорт после 17 августа пошел на убыль. В условиях зависимости страны от ввоза продовольствия, медикаментов возникла угроза обеспечению населения товарами первой необходимости.

Бюджет. Во много раз сократились доходы федерального и местных бюджетов. По оценкам, потери консолидированного бюджета составили до 50 млрд рублей.

Фондовый рынок. Обесценились акции предприятий. На практике – мы с этим столкнулись – это означало возможность покупки иностранцами высоколиквидных российских предприятий во много раз дешевле их реальной стоимости.

Созданная Советом Федерации специальная комиссия по расследованию итогов решений 17 августа оценила общий ущерб, нанесенный экономике страны, более чем в 300 млрд «докризисных» рублей. Руководитель Отделения экономики РАН академик Д.С. Львов считает, что по важнейшим показателям социально-экономического развития Россия была в результате событий, последовавших за этими решениями, отброшена на 15–20 лет назад.

Пожалуй, самым серьезным последствием решений 17 августа стал тотальный кризис доверия. Недоверием оказались поражены все звенья экономической системы: будь то отношения между поставщиками и потребителями, должниками и кредиторами, менеджерами и собственниками, населением и правоохранительными органами, между различными ветвями и «этажами» власти. Односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам, провозглашенный 17 августа, окончательно подорвал веру и за рубежом, и внутри страны в возможность стабильного сотрудничества с государственными финансовыми структурами и коммерческими банками России. В результате всего этого в стране создавалось довольно широкое недоверие к самой идее перехода к рыночным отношениям.

Официальные круги на Западе явно поддерживали ту линию, которая осуществлялась в экономике России в 90-е годы. Судя по всему, превалировала точка зрения, согласно которой любой масштабный отход от командно-административной системы советского периода к рыночной экономике является абсолютным благом вне зависимости от форм и методов, порождающих конкретные результаты такого перехода. Не могу исключать того, что на Западе были и такие силы, которые уклонялись от критики курса псевдолибералов, так как делали ставку на сохранение России, переходящей к рынку, на долгие годы в качестве сырьевого придатка государств, вступивших в постиндустриальный период своего развития.

Отсутствие критики руководителями западных стран экономической политики в России 90-х годов было связано и с политическими мотивами. Трудно представить, что западные лидеры случайно вывели эту тему из разговоров с российскими руководителями и теми, кто стоял у руля российской экономической политики. Просто не хотели раздражать «брата и друга Бориса»? Наверяд ли, хотя и это имело место. Причина, как представляется, была более глубокой. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить позиции «государственников» в России, даже таких, которые являются твердыми сторонниками рыночных реформ, приватизации, но осуществляемой продуманно, в интересах роста эффективности производства. Опасались, так как проецировали рост влияния «государственников» на внешнюю политику, которая в таком случае неизбежно усиливала бы функцию защиты российских интересов. Мне представляется, что нежелание искать и развивать контакты именно с такой категорией политиков в России было серьезной ошибкой западных деятелей, обладавших властью.

3. Дела насущные

Стратегия и тактика

Что делать? Этот извечный для России вопрос встал во весь рост перед правительством и, естественно, передо мной. Имея в виду главную цель – успокоить общество, добиться политической стабилизации, решил в первую очередь для себя определить, *чего не следует делать* в сложившейся ситуации.

Поваленная навзничь экономика, нокаутирующий удар по жизненному уровню населения, охватившее общество жгучее недовольство предшествовавшей в 90-х годах экономической политикой, растерянность президента, стремление уйти в тень тех лиц, которые пробились на вершину пирамиды власти, – все это в совокупности объективно развязывало руки правительству. Позже, когда меня стали искусственно причислять к крайне левым, я подумал: а ведь не понимают – в тот момент мог бы начать и с национализации всего и вся, с широких репрессий по экономическим преступлениям, с резкого ограничения конвертируемости рубля, с объявления об отказе выплачивать долги за предоставленные ранее кредиты из-за рубежа. И голоса «против», если бы и осмелились прозвучать, утонули бы в возгласах массовой поддержки. Но такие меры не имели ничего общего с уже устоявшимся моим мировоззрением. Я понимал также, что они раздерут общество на части, еще больше дестабилизируют обстановку. В таких условиях решил:

Первое – не начинать с публичного разбора той несомненно ошибочной линии и порочной практики, которая привела за все 90-е годы страну к краю пропасти. Легче всего, конечно, было бы искать поддержку в обществе, обрушившись на авторов «шоковой терапии». Но это сразу же – особенно в России – обернулось бы обливанием друг друга грязью, выстраиванием баррикад, пусть даже не в буквальном смысле этого слова, информационной войной, ростом озлобленности основной и громадной части населения, пострадавшей в результате такой политики и практики. Поэтому я отверг советы «четко показать нутро тех, кто довел страну до такого состояния». Поэтому ни в одном своем выступлении, а их с моим приходом в правительство было достаточно, я не назвал ни одной фамилии повинных в происшедшем. Подробный разбор экономической политики 90-х годов в России, естественно, не снимался с повестки дня. Но это нужно было отнести на более поздний период, когда успокоятся страсти.

Второе – нельзя было принимать решения, которые могли бы интерпретироваться как возврат в «светлое прошлое», несмотря на то что события 17 августа явно увеличили число людей, говоривших и, что самое главное, веривших в то, что «раньше было лучше».

Эксплуатация таких настроений была бы попросту опасной со стратегической точки зрения. Я, да и все мои коллеги по правительству были твердо убеждены в том, что движение назад от курса реформ – хочу подчеркнуть – курса, а не конкретно проводившейся до нас практики – это путь к неизбежному возвращению к командно-административной системе, приведшей к прогрессирующему отставанию Советского Союза в экономике и открывшей двери тоталитаризму.

Третье – несмотря на очевидный негативный, подчас преступный характер того, как осуществлялась приватизация, приведшая к ограблению общества в целом, государства, людей, дезорганизации и падению производства, нельзя было призывать к огульной ее отмене, к новому массовому перераспределению собственности. Это могло бы окунуть страну в кровь, ударило бы по образуемому среднему классу, сбilo с ног честных предпринимателей.

Я считаю, мягко говоря, абсолютно непродуманными, нереалистичными, разрушительными требования отменить приватизацию, вернуть все, как говорится, к «чистому листу».

Сторонники таких мер в лучшем случае не понимают, что в России миллионы людей уже стали собственниками, в своем преобладающем большинстве мелкими, квартир, дач, ларьков, небольших предприятий бытового обслуживания, а некоторые и акций более крупных предприятий. Можно ли абстрагироваться от этого?

Но одновременно нельзя было закрывать глаза на извращения приватизационного процесса в отношении главным образом крупных предприятий. Поэтому сама жизнь родила такой критерий: если приватизированное предприятие, учреждение работают эффективно, имеют рынок сбыта своей продукции или услуг, хорошие перспективы, платят вовремя заработную плату работникам с тенденцией на ее увеличение, отчисляют из своих доходов налоги в бюджеты всех уровней, в фонды, то нет смысла возвращаться к вопросам, связанным с произошедшим изменением его формы собственности.

Тем более что большинство приватизированных предприятий, даже в том случае, когда новым владельцам удалось присвоить, урвать огромные капиталы, изменили своего собственника согласно действовавшим в то время законам.

Но есть и другие примеры – приватизированное предприятие остановилось либо близко к этому, иногда лжебанкротится, рабочие выдворяются за ворота, налоги в бюджет не поступают. В таком конкретном случае следует заняться в том числе и историей приватизации этого предприятия, а возможно, но только на основе закона, изменить его собственника.

Но и с этого не следовало начинать. Упор, за исключением вопиющих отдельных случаев, нужно было сделать на современную практику, чтобы создать условия, исключаящие в настоящее время «прихвацию», как ее метко окрестили в народе.

Четвертое – нельзя было недооценивать макроэкономическую политику, проводимую предшествовавшими правительствами. Но следовало внести в нее коррективы и, главное, подчинить стабилизации и развитию на микроэкономическом уровне. Не приняв административного ограничения конвертируемости, нужно было продумать, как укрепить рубль за счет введения его плавающего курса, не допуская резких, непредсказуемых скачков, за счет сдерживания инфляции.

Пятое – не следовало начинать с публикации какой-то завершенной концепции экономического развития. Правительство и меня лично упрекали, особенно некоторые средства массовой информации, в том, что мы очутились в Белом доме без такой развернутой концепции. Я вообще не большой сторонник всяких концепций, ставших столь модными в России за последнее время – именно в России, а не в зарубежных странах. Система подходов, определяющих принципы осуществляемой политики, – безусловно. Конкретные программы – да. Но не набор положений, искусственно объединенных в наукообразный документ, который, по-моему, мало помогает в практических делах, но зато дает огромный простор для критики, особенно людям, не несущим ответственности за состояние дел в экономике.

Если бы мы откликнулись на настойчивые призывы обнародовать «концепцию», то попали бы в капкан такой критики, что отнюдь не помогло бы работе. Поэтому был выстроен другой путь – постепенно, но не растягивая во времени, знакомить общество с нашими идеями в области экономической политики и параллельно с конкретными делами в этой области.

Такая осознанная воздержанность, несомненно, способствовала тому, что страсти не выплескивались наружу, несмотря на тяжелейшее экономическое положение в стране.

Важнейшим элементом процесса стабилизации было обозначившееся по целому ряду вопросов сотрудничество правительства с парламентом – Государственной думой и Советом Федерации. В состав кабинета на правах министров были включены руководители восьми ассоциаций, охватывающих все 89 субъектов Российской Федерации. Председатель правительства, его заместители и министры с выездом на места встречались с членами этих ассоциаций. Регулярной практикой стали встречи и с руководителями фракций Госдумы. Все этому не было аналогов в прошлом.

Однако в таком сотрудничестве не было идиллии. С одной стороны, как уже было отмечено выше, члены правительства занимали согласованную позицию, и подчас она противоречила позиции той партии, к которой принадлежали министры. С другой – большинство в Госдуме далеко не всегда было готово ради поддержки правительства поступиться своими политико-пропагандистскими интересами. Именно поэтому мы не могли, что называется, «с колес» провести через Думу столь необходимые стране законы. Некоторые законопроекты «клали под сукно» – в таких случаях верх брап популизм. И не случайно я вынужден был обратиться к председателю Государственной думы Г.Н. Селезневу с письмом, в котором говорилось:

«В целях стабилизации социально-экономической обстановки в стране необходимо неотложное принятие ряда проектов федеральных законов. Часть законопроектов, предложенных Правительством для рассмотрения в первоочередном порядке, были Государственной думой рассмотрены, и дальнейшая работа с ними ведется. Тем не менее требуется их ускоренное принятие, так как прошло уже длительное время после рассмотрения законопроектов в первом чтении. В то же время необходимо обратить внимание на то, что есть внесенные Правительством законопроекты, которые до сих пор еще не рассмотрены Государственной думой. Для ускорения принятия законопроектов Правительство считает важным подтвердить их приоритетный характер.

Особую значимость для реализации поставленных перед Правительством задач имеют законопроекты в области налоговой, бюджетной и социальной политики... Серьезно мешает защите правопорядка отсутствие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В некоторых случаях уже нельзя дожидаться его принятия, а следует принимать изменения и дополнения в действующий Кодекс. Это чрезвычайно важно, например, для установления административной ответственности за правонарушения на рынке ценных бумаг».

Ответа на свое письмо я не получил.

Более того, фактически без внимания была оставлена и наша настоятельная просьба отказаться от импичмента, который был не только бесперспективен, но сам его процесс ставил правительство под удар – Ельцину без устали нашептывали, что связанный с левым большинством в Госдуме кабинет и я лично потакаем попыткам отстранить президента. Оставаясь глухими к нашей просьбе, левое большинство в Госдуме по сути ставило конъюнктурные соображения выше государственных интересов. Можно ли было в таких условиях говорить о продуманной стратегии левых?

Правительство подтвердило – и это было очень важно, особенно в то время, – что столбовой дорогой для России является создание гражданского общества, политический плюрализм, продолжение рыночных реформ, развитие нашей экономики как органичной части мирового хозяйства. Вместе с тем мы понимали, что для реального продвижения по этому пути, а не резкого отката назад, перспектива которого была на тот момент не такой уж призрачной, необходима социальная ориентация осуществляемых реформ, с тем чтобы они в конечном счете обязательно служили улучшению положения, подъему жизненного уровня, интересам населения России.

Как этого добиться? Прежде всего за счет усиления экономической роли государства, что отнюдь не означало и не могло означать свертывания рыночных процессов. Напротив, мы считали, что государство должно способствовать переходу к цивилизованному рынку, который не возник и не мог возникнуть сам по себе в результате хаотического движения без продуманного государственного вмешательства.

Государственное вмешательство подстегивалось и тем, что России предстоял выход из серьезнейшего кризиса. Сам по себе рынок, и только рынок, страну из этого состояния вывести не мог. Наглядным примером этого служила и зарубежная практика. При преодолении

результатов Великой депрессии 1929–1933 годов Ф.Д. Рузвельт однозначно опирался на государственные рычаги. Отстаивая программу «нового курса», он подчеркивал: «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями народного хозяйства». Под этой цитатой готово было подписаться и наше правительство.

На основе государственного вмешательства в экономическую жизнь была построена и политика Л. Эрхарда – министра финансов, а затем уже канцлера ФРГ. Конечно, Западной Германии после Второй мировой войны помог «план Маршалла», но, не будь такой целенаправленной политики, вряд ли удалось бы в исторически короткие сроки превратить находившуюся в развалинах страну в одно из передовых в экономическом отношении государств в мире. Вольфганг фон Амеронген – один из крупнейших западногерманских промышленников и мой старинный еще со времени работы в ИМЭМО друг – говорил мне, что Эрхард «выкручивал руки» ему и другим крупным предпринимателям, заставляя подчиняться государственному контролю.

Государственное вмешательство в экономическую жизнь отнюдь не идентично национализации приватизированной собственности. В отдельных случаях это не исключается, как показывает опыт и западных стран, но магистральным стать не может. Вместе с тем государственное вмешательство необходимо в первую очередь для наведения разумного порядка, способствующего росту реального сектора экономики России независимо от формы собственности входящих в него предприятий. А это подразумевает целую систему мер: жесткий контроль за формированием доходной части и расходами бюджета, соблюдением всех государственных обязательств, а также за управлением государственным сектором, использованием государственной собственности; выработку и осуществление мер против злоупотреблений в сфере приватизации, махинаций, связанных с лжебанкротством предприятий, противозаконных переводов денежных средств за рубеж; создание условий, в которых российские банки становятся заинтересованными вкладывать капитал в отечественную промышленность и сельское хозяйство; привлечение в российскую экономику, преимущественно в реальный ее сектор, иностранных инвестиций.

Идеология правительства, несомненно, включала в себя поддержку российского производителя. Это следовало бы делать, применяя многие рычаги, начиная от продуманной и достаточно гибкой таможенной политики и кончая столь же продуманной налоговой реформой. Нет необходимости подробно останавливаться и на том, что государство должно отстаивать интересы отечественных предпринимателей при подписании контрактов с иностранными партнерами – ведь делают это все остальные, настаивая на том, чтобы, скажем, определенная часть (а как правило, большая часть работ, связанных с совместными проектами) осуществлялась «своими» компаниями. Государство должно поддерживать и отечественных экспортеров. Все это представляется бесспорным.

Но поддержка национальных, точнее, отечественных производителей не имеет ничего общего с противодействием участию иностранного капитала в развитии производства и сферы услуг. Мы в правительстве не только понимали это в теоретическом плане, зная, что мировое предпринимательство в наше время развивается на транснациональном уровне, но и на практике делали все для привлечения иностранных инвестиций, особенно в форме прямых вложений, создания совместных компаний, осуществления совместных проектов. При нашем правительстве Госдумой был принят долгожданный для иностранных инвесторов закон о разделе продукции и на его основе 12 поправок к другим законам. А ведь все это лежало мертвым грузом в парламенте в течение многих лет.

Государство не может абстрагироваться от проблемы конкурентоспособности выпускаемой продукции на предприятиях любой формы собственности. Мне представляется несостоятельной, искусственной развившаяся уже позже, в начале 2000 года, полемика на тему, что следует делать раньше – добиваться экономического роста либо осуществлять сначала, до этого, модернизацию экономики. Только при экономическом росте возможна модернизация. Только при росте конкурентоспособности за счет модернизации возможен устойчивый экономический рост. Противопоставление одного другому – надуманное.

Мировая практика показывает, что инновационная основа экономического роста во многом создается так называемыми венчурными предприятиями. Это в основном малый и средний бизнес, специализирующийся на решении конкретных научно-технических проблем. Нужно думать о развитии таких динамичных форм бизнеса и у нас.

Но государственное регулирование и в этом вопросе имеет далеко не второстепенное значение. Известно, что процесс модернизации производства, подразумевающий отказ от тиражирования устаревших технологий, невозможен без развития науки, в том числе фундаментальной. В 90-х годах государственное финансирование науки в России в основном если не прекратилось, то было сведено к мизерным суммам. Советский Союз имел несомненное преимущество перед многими высокоразвитыми странами – авангардные фундаментальные исследования. Были и недостатки. Путь от фундаментальных открытий через прикладные исследования к их практическому внедрению был в два-три раза дольше по времени, чем у других. Вместо того чтобы сконцентрировать государственные усилия на ускорении прохождения по этому пути, а это, несомненно, послужило бы технико-технологическому прогрессу в нашей экономике, «реформаторы» делали ставку на другое. Они решили погрузить не только экономику, но и науку в рынок – мол, выживут те ее направления, которые немедленно обеспечат прибыль.

Принципиальные позиции были с самого начала заложены в основу деятельности правительства. Но в первую очередь нам пришлось в создававшейся критической ситуации заниматься важнейшими задачами жизнеобеспечения страны.

Надвигались серьезные трудности с продовольствием и медикаментами. Одним из результатов политики «либералов» стала полная зависимость России от импорта важнейших для населения продуктов. Российское сельское хозяйство разрушалось. Резко сократился и выпуск отечественных лекарств. Когда в таких условиях дефолт 17 августа сильно ударил по импорту, нужно было принимать решительные меры.

Правительство снизило таможенные пошлины по семи главным позициям «критического импорта». Одновременно были предприняты другие шаги. Потребовали от губернаторов восстановить свободные перетоки продовольствия из региона в регион. Договорились с Украиной и Белоруссией о том, что их долги за поставки российского газа будут частично погашаться продовольственными товарами. Провели переговоры с США о предоставлении помощи сельхозпродуктами – пусть даже сопровождаемой обязательной закупкой американского зерна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.